

В импровизированном пристанище под электростанцией «Yorkshire Electricity Group PLC» группа людей с нетерпением ждала возвращения своего разведывательного отряда. Подвал, защищенный серией отпугивающих магглов заклинаний, был весьма популярным убежищем для большинства недавних беглецов из Азкабана и части Пожирателей смерти из Внутреннего круга Волдеморта. Большинство из них не привыкли к подобным спартанским условиям проживания, но это все же было лучше, чем камера в Азкабана. Ни один из «рядовых» Пожирателей смерти не знал об этом убежище, так что на сегодняшний день это было самое безопасное место из всех имеющихся в их распоряжении.

Группа Пожирателей Смерти разговаривала тихим шепотом и проводила время, играя в азартные игры, для которых использовался набор анимированных фигурок оборотней, сражавшихся на столе. Время от времени кто-нибудь радостно вскрикивал, когда галеоны переходили к нему в руки после того, как одна из фигур расправлялась с другой.

Высокий мужчина с длинными платиновыми волосами молча расхаживал из угла в угол, не обращая внимания на своих товарищей, собравшихся вокруг стола в дальнем конце комнаты. Время от времени он поглядывал на часы, которые были установлены на импровизированном столе — ящике рядом с плитой и холодильной камерой; с каждым брошенным взглядом он, казалось, становился все более взволнованным.

Массивный волшебник громко стукнул кулаком по столу, когда фигура оборотня, на которую он сделал ставку, упала в течение нескольких секунд после начала игры. Невысокая пухлая ведьма с грязными светлыми волосами и кривыми зубами выхватила у него из рук остатки золота. Он с сожалением отошел от стола и прошел через комнату к нервно расхаживающему мужчине.

Герман Гойл минуту наблюдал, как мечется старший Малфой, а затем сказал:

— Люциус, перестань расхаживать, ты заставляешь нас всех нервничать.

— Они уже должны были вернуться, — рассеянно пробормотал Малфой, продолжая ходить по той же траектории, как будто он вообще не слышал обращенные к нему слова. — Уже утро, и мы так и не слышали от них ни слова.

— Ни к чему постоянно смотреть на часы! Они вернутся. У меня сейчас столько же возможностей, сколько и у тебя, понимаешь? Мой парень хочет вернуть твоего ребенка, и, конечно, я не мог удержать его от поездки, но ему «не терпится» доказать, что он достоин быть в рядах Темного Лорда, понимаешь?

Люциус действительно знал о двух прихвостнях своего сына, хотя и никогда не использовал этот термин в разговорах с их отцами... Люциус остановился и посмотрел на собеседника:

— Я знаю, и Темный Лорд... намекнул... что мы должны поручить им еще больше обязанностей. Я просто не совсем уверен, что отправить мальчиков и Нарциссу в данном конкретном случае, скажем так, было «в его интересах».

— Пойдем, Люциус, — сказал Терренс Крэбб, который только что вышел из-за игорного стола с облегченным кошельком, — разведка была проведена хорошо. Как ни странно, все черные девушки помнили, где находится это место. Наши разведчики передали информацию, что это место большую часть времени пусто, но вполне возможно, что Драко держали там. Учитывая, что наши шпионы в Министерстве ничего не слышали об этом месте, а оно используется Орденом, это казалось весьма вероятным.

Странное, почти испуганное выражение отразилось на лице Малфоя, и тут его осенило. Он повернулся и прервал Крэбба:

— Какое именно место используется Орденом?

Крэбб несколько мгновений смотрел на него с открытым ртом, гадая, есть ли в этом вопросе какой-то подвох, а затем нерешительно сказал:

— Знаешь... Это то место, где, как мы думаем, содержат твоего сына...

Глаза Малфоя ожесточились, когда он снова спросил:

— Место! Как называется это место?! Мы обсуждаем это уже неделю!

И Крэбб, и Гойл стояли ошарашенные, глядя друг на друга, с нахмуренными бровями и отвисшими челюстями. Не получив ответа, Малфой повернулся к остальным Пожирателям смерти, сидевшим за столом.

— Куда подевалась разведывательная группа? — громко спросил он, привлекая всеобщее внимание. Некоторые пробормотали что-то вроде «спасает твоего парня, конечно» или какую-то другую идиотскую или совершенно очевидную фразу; на лицах остальных Пожирателей смерти появилось хмурое и обеспокоенное выражение, когда они также не смогли произнести название этого «места».

В это же время, как будто специально, с верхнего уровня станции прилетела сова, несущая утренний выпуск «Ежедневного пророка»; она села на спинку одного из деревянных стульев, стоящих вокруг стола. Малфой, не останавливаясь, вытащил палочку и послал свистящий зеленый луч в ничего не подозревающую сову, которая ослабила хватку и упала со спинки стула замертво. Он наклонился, отцепил газету с лапы мертвой птицы и начал читать. Постепенно его лицо все более ожесточалось; казалось, что температура в сыром и промозглом подвале упала еще на несколько градусов, когда его взгляд заскользил по первой странице.

Заметив это, Байрон Мальсибер попытался прочитать заголовок, заглядывая Малфоя через плечо:

— Что случилось, Люциус? Да что случилось?!

— Они были пойманы Министерством... Многие из них, — Люциус скомкал газету в руке и швырнул ее на пол, издав сердитое рычание; затем он прошипел на всю комнату: — Вы понимаете, что это означает?

И Крэбб, и Гойл переглянулись с побледневшими лицами — каждый из них очень хорошо понимал, что их собственные сыновья участвовали в этой «простой» спасательной операции, как чем они уверяли Малфоя. Гойл выглядел так, словно хотел что-то сказать, но промолчал. Крэбб же сказал напряженным шепотом:

— Я знаю, что ты беспокоишься о Нарциссе, но она, конечно же...

— Темный Лорд сейчас не интересуется моя жена... Для него важен Драко.

Крэбб был шокирован таким заявлением:

— Как ты вообще можешь так говорить? Твоя жена — одна из нас. Наше ближайшее окружение.

— Когда меня отправили в Азкабан, Министерство проинструктировало гоблинов закрыть мне доступ в наше семейное хранилище. Естественно, Закон о сохранении родословной не позволил Нарциссе попасть в это хранилище; ведь он был принят, чтобы не дать какой-нибудь коварной женщине выйти замуж за чистокровного волшебника, получить титул, а затем устроить мужу «несчастный случай». Драко — единственный наследник мужского пола, он один имеет доступ к семейному хранилищу Малфоев, и наш Лорд нуждается в нем. Вы знаете, что он сделает, когда узнает об этом фиаско? — затем он задал риторический вопрос: — Почему же он настаивал на том, чтобы мы послали именно детей, чтобы спасти его?

Никто из присутствующих в комнате не осмелился заговорить; но ответ на вопрос Малфоя пришел, хотя и не тот, которого он ожидал. На лицах всех присутствующих появилась озабоченное выражение, и каждый из присутствующих одновременно начал хвататься за свое левое предплечье.

Алекто Кэрроу повернулась к своему брату Амикусу и, надев свою маску Пожирателя смерти, заметила:

— Похоже, что наш Лорд тоже прочитал эту газету...

* * *

Гермиона проснулась всего через несколько часов. Не потому, что она не устала, а из-за шквала самой грязной словесной брани, который заставил бы портрет миссис Блэк побледнеть — конечно, до того, как Гермиона его убила... Поспешное оглушающее заклинание и дополнительные сверхтугие волшебные веревки положили конец этой ранней утренней тираде Гарри. Гермиона решила никогда не показывать ему, что какое-либо из его слов задевает ее, хотя внутри у нее каждый раз все сжималось от боли.

После того, как она заставила Гарри замолчать, она поняла, что в комнате случилось что-то странное. Что-то необычное, но она не могла определить, что же именно. Понимая, что она уже не сможет спать, Гермиона решила отправиться на кухню, чтобы быстро позавтракать, а затем пойти в библиотеку. Она твердо решила опровергнуть то, что книга открыла ей прошлой ночью.

Проходя мимо гостиной по пути на кухню, Гермиона заглянула к Полумне и Рону. Она заметила, что диван был увеличен с помощью магии, чтобы на нем можно было комфортно разместиться вдвоем. Полумна, кажется, не спала. Она выглядела под тонким одеялом, покрывающим пару, практически голой. Она повернулась к Гермионе, когда та тихонько заглянула в гостиную. Полумна лучезарно улыбнулась и еще сильнее прижалась спиной к спящему Рону; он инстинктивно притянул девушку к себе. Гермиона вежливо улыбнулась Полумне и отвернулась. Ей не оставалось ничего другого, как последовать на кухню. Ее натянутая улыбка быстро сменилась несчастным хмурым взглядом.

Готовя завтрак, Гермиона ругала себя за то, что она не рада за Полумну и Рона. Это было так не похоже на нее — ревновать, но она ревновала. Гермиона ревновала не к Рону, а к отношениям, которые у него были с Полумной. Такие же отношения у нее почти уже завязались с Гарри.

Судя по всему, запах еды разбудил Рона, потому что, когда последняя тарелка была заполнена яичницей, он незамедлительно появился на кухне вслед за Полумной.

Они сели за стол, на ходу пробормотав: «Доброе утро», и приступили к завтраку. В то утро Рон выглядел намного лучше, но Гермиона решила, что это, скорее, естественный процесс исцеления, а вовсе не заслуга Полумны. Но как бы там не было, сегодня утром его самочувствие было значительно лучше. И снова Гермиону охватила боль утраты, когда она наблюдала, как Полумна заботливо наполняет тарелку Рона, прежде чем заняться своей собственной.

Стараясь не выглядеть ожесточенной, Гермиона, через силу улыбаясь, присоединилась к ним и начала накладывать себе еду. Как только Гермиона откусила первый кусочек, она внезапно поняла, что же было не так в комнате Гарри. На полу рядом с кроватью Гарри не было Котоне, а ведь это было ее обычное место для сна. Она окинула взглядом комнату, не особо надеясь увидеть маленькую ведьмочку, и спросила:

— Кто-нибудь из вас сегодня утром видел Котоне?

Рон и Полумна переглянулись и в унисон ответили:

— Нет.

Наверное, раньше Гермионе это бы показалось милым, но с тех пор, как она узнала, что она может оказаться некромантом, ее собственное чувство одиночества явно не добавляло ей хорошего настроения. Она старалась есть так быстро, насколько могла, не обращая внимания на косые взгляды Рона, который был крайне удивлен ее сегодняшними манерами за столом. Ей нужно было найти Котоне и расспросить о том, что та знает о различных типах магии. Маленькая ведьма, должно быть, уже прочитала книгу, написанную на ее родном языке. И, вполне возможно, у нее были другие мысли об испытаниях, которые она уже испробовала на себе.

Гермиона закончила есть в рекордно короткие сроки; убрав остатки еды и помыв за собой тарелку, она отправилась на поиски маленькой ведьмы. Тридцать минут спустя она вернулась на первый этаж и обнаружила Полумну и Рона в гостиной, увлеченными игрой в волшебные шахматы.

— Вы еще не видели Котоне? — спросила Гермиона.

Рон оторвал глаза от доски и взглянул на небольшой деревянный стул, стоявший рядом с ним, и сказал:

— Что? Она сидела здесь минуту назад. Забавно, я даже не заметил, как она ушла.

— Что ж, если ты ее увидишь, не забудь ей сказать, что мне нужно с ней поговорить.

Рон смотрел, как Гермиона вышла в коридор; не прошло и тридцати секунд, как Котоне тихонько вернулась в комнату и снова села на деревянный стул. Он улыбнулся ей и сказал:

— Гермиона только что искала тебя. Она сказала, что ей нужно о чем-то с тобой поговорить.

Котоне просто опустила голову и кивнула.

Рон посмотрел на Полумну, пожал плечами, но все же приказал своей королеве безжалостно обезглавить одного из епископов Луны. Рон тайком следил за Котоне, пока играл, и через несколько минут он заметил, что уши Котоне дернулись и повернулись к двери. Котоне, не поднимая головы, поднялась со стула, молча подошла к двери и скрылась из виду.

Не прошло и минуты, как вернулась Гермиона и произнесла с оттенком беспокойства в голосе:

— Я никак не могу ее найти — я уже проверила все комнаты и даже подвал! Как вы думаете, может, она вышла из дома?

— Она была здесь минуту назад и ушла прямо перед твоим приходом, — спокойно сказала Полумна, прежде чем Рон успел что-то ответить. — Я думаю, что она, скорее всего, избегает тебя.

— Я абсолютно согласен с Полумной, — добавил Рон, — я видел, как у нее подергивались уши как раз перед тем, как она вышла из комнаты. Я думаю, что она слышала, как ты идешь.

Гермиона задумалась. Она вспомнила, как Гарри упомянул, что у Котоне очень хороший слух, и именно поэтому она смогла подслушать их обсуждение хоркруксов с Роном в «Дырявом котле». Но почему Котоне избегает ее? Конечно, она несколько раз оглушала эту девочку, но ведь заклинание не причинило ей абсолютно никакого физического вреда. Затем она стала размышлять о прошлой ночи, пытаясь вспомнить все, что она говорила: «Это все полный бред... Все, что она делает — это плачет и истекает кровью!»

Гермиона скривилась при этом воспоминании. Неужели у Котоне действительно такой острый слух, что она могла услышать это бездушное заявление Гермионы из другой комнаты? Неужели это возможно, ведь Котоне была так далеко? Теперь, когда она вспомнила об этом, эти слова показались ей самой очень резкими. Ладно. Да, она высказалась очень жестко, но ведь в то время ее накрывал шквал эмоций. Она знала, что ей нужно делать, и первый шаг к примирению с Котоне лежал в библиотеку.

* * *

Котоне не нравилось в этом большом мрачном доме. Он не только напоминал ей приют, где она жила еще совсем недавно, но, кроме того, здесь почти нечего было есть. Грызуны обычно проникали в места, где были большие запасы еды или куча мусорных баков, чтобы они могли прокормиться. Но, видимо, этот дом был заброшен задолго до их прибытия сюда, поэтому в нем практически не было корма для крыс, и лишь немногие из них проникали сюда. Она очень, очень проголодалась, но шансы найти в ближайшее время приличную еду казались ей весьма призрачными.

В прошлые разы, когда она отправлялась на поиски еды, она была очень сильно разочарована. Однажды она уже увидела свою добычу, но неожиданно услышала, как Ваши говорит о ней. Ее так ранили слова Ваши, что она во время погони совершенно потеряла концентрацию. Из-за этого она не поймала эту крысу и решила, что слова Ваши о ней были совершенно верными. На нее опять нахлынули знакомые ощущения — быть обузой и неудобством для всех. До этого момента она не могла думать ни о чем другом, кроме того, какой будет жизнь, в которой о ней будут заботиться Шиши и Ваши; но теперь она знала, что этому никогда не суждено сбыться.

Она этого не стоит. Она всегда будет одзьяма мущи... паразитом... неприятностью. Она никогда так не скучала по своим родителям, как в тот момент. И еще она скучала по своему Шиши.

Котоне сидела посреди паутины, свисавшей с люстры, в большой парадной столовой, которая находилась за кухней. Это место, казалось просто идеальным для того, чтобы ее не нашли. Она видела, как Ваши несколько раз в течение дня приходила и уходила; Котоне понимала, что Гермiona ее ищет, но не хотела выходить из своего убежища. Она не хотела причинять другим еще больше неприятностей. Ей казалось, что все, на что она способна — это создать проблемы, а ведь она всего лишь пыталась помочь.

Котоне никогда не забудет выражение лица Ваши, когда дала той совет, и взрослая ведьма все-таки открыла глаза. Котоне понимала, что пытается сделать Ваши. Она много проводила то же испытание на себе, и все, что она обнаружила — это то, что она была среди самых слабых типов ведьм. Простая иллюзионистка, и притом не очень могущественная. Если бы не ее кровь Они, она бы вообще бы ничего собой не представляла. Забавно, но все, что она сейчас хотела, — это просто быть нормальной. Ведь она всего лишь пыталась помочь Ваши, рассказав ей, что она должна сделать. Она совсем не ожидала, что Ваши так расстроится из-за того, что узнала. Она лишь пыталась помочь, но в итоге снова добавила Ваши неприятностей.

Котоне с удивлением обнаружила, что по ее щекам текут слезы, они капали на стол, оставляя темные брызги на его пыльной поверхности. Она бы с удовольствием сбежала из этого дома, если бы ей было куда идти; но в сложившейся ситуации она должна была оставаться со своим Шиши и надеяться, что Ваши сумеет развить свои способности настолько, чтобы суметь ему помочь. Она никогда не думала, что ей будет не хватать того ветхого приюта. Никогда еще она не скучала по своим родителям больше, чем в тот момент. И по Шиши.

Она до сих пор не забыла, через что ей пришлось пройти после убийства родителей. В то время она еще не знала английского, поэтому Котоне не могла даже попытаться объяснить, кто она такая. Волшебники обращались с ней, как с животным, держали в клетке и даже не пустили на похороны ее родителей. Она не могла не стать такой, какой стала.

Только после долгих месяцев заключения в недрах Департамента по регулированию и контролю над магическими существами кто-то все же узнал, кем она была; это произошло лишь потому, что Министерство магии Японии отправило запрос с целью найти пропавшую наследницу. Позже они отправили сообщение ее родственнице — Мотоко Хино. Оно касалось распоряжения состоянием семьи Оутэ, и Министерство снова стало интересоваться местонахождением мисс Котоне Оутэ. Она так и не унаследовала семейное состояние, ведь ее законный представитель никогда не присутствовал на слушаниях и даже не был проинформирован о них. Это, конечно же, было фатальной оплошностью британского Министерства.

Она ничего не могла с собой поделать. Слезы продолжали течь по ее лицу. А живот урчал все громче.

Как же она сейчас одинока, как скучает по своим родителям. И по своему Шиши.

* * *

Когда Гермиона вошла в столовую в четвертый раз за день, она случайно заметила на пыльной столешнице многочисленные мокрые пятнышки. Ее взгляд упал на люстру, за которой пряталась Котоне. Маленькая ведьмочка висела спиной к двери на толстой медной цепи, поддерживающей массивную люстру. Пока Гермиона стояла и смотрела на нее, на стол упала еще одна капля, образовав новое темное пятнышко на светлой пыли.

— Котоне? — тихонько позвала Гермиона. — Можешь на минутку спуститься? Я бы хотела поговорить с тобой.

Котоне вздрогнула, услышав голос Гермионы. Она посмотрела со своего наместа сверху вниз и кивнула. Она обвила хвостом одну из опор люстры и постепенно спустилась, медленно скользя по ней. Как расстояние до пола сократилось, она спрыгнула и приземлилась на стол, опираясь на одни лишь ногти на ногах.

Гермиона мысленно сравнила ее движения с действиями паука, спускающегося по шелковой нити. Ей было интересно, как же Котоне добралась до люстры, не задев пыль на столе; она посмотрела на его поверхность и увидела крошечные следы, оставленные ногтями Котоне. Ей пришлось признать, что эта девочка довольно умна... и хитра.

Котоне ловко спрыгнула со стола и приземлилась на ноги. Она рукавом стерла с лица влагу, а затем замерла, не отрывая глаз от пола и сложив перед собой руки, втянутые в рукава поношенной ночной рубашки.

Гермиона быстро окинула взглядом ее фигурку, чувствуя себя ужасно из-за того, что случайно оскорбила эту маленькую девочку. Она опустилась перед Котоне на колени, приподняла ее подбородок одним пальцем и посмотрела в красные опухшие глаза.

— Котоне, я знаю, что ты слышала, что я сказал о тебе вчера вечером. Я просто хочу, чтобы ты знала, что я был неправ, и мне очень жаль. Я знаю, как много ты и Гарри значите друг для друга, и понимаю, что ты сделала все возможное, чтобы помочь всем, даже мне. Я была не слишком тебе благодарна за то, что ты делала для нас. Я знаю, что ты жертвуешь собой, чтобы помочь другим. Просто я тогда чувствовала себя такой беспомощной! Да, это не очень хорошее оправдание, но я хочу, чтобы ты знала: мне очень жаль, и я никогда не хотела причинять тебе боль.

Гермиона наблюдала, как Котоне снова опустила голову и продолжает грустно смотреть в пол. Гермиона несколько секунд с беспокойством глядела на нее, обеспокоенная ее молчанием и гадая, как же она отреагирует на подарок, который она для нее приготовила. Она залезла под

рубашку, вытащила белую фарфоровую маску и протянула ее Котоне. Когда та подняла взгляд, Гермиона увидела недоумение в ее фиолетовых глазах.

— Я наложила на эту маску кое-какие заклинания. Когда она будет надета, она изменит высоту твоего голоса на несколько октав и сделает некоторые слова немного яснее. Кроме того, она переведет некоторые наиболее употребляемые слова и исправит часть твоих синтаксических ошибок. Но она не в состоянии переводить полные предложения. Также она работает с небольшой задержкой, и тебе придется говорить медленно; но все равно, она должна облегчить тебе жизнь среди других людей.

Котоне просто продолжала молчать, и даже не пыталась взять маску; голос Гермионы стал еще более тревожным, и она продолжила очень быстро объяснять:

— Еще на нее наложено контролирующее заклинание, чтобы маска случайно не спала, но ты можешь снять ее, когда захочешь. Я думала о том, чтобы нарисованные губы двигались в такт твоим словам, но я решила, что это будет выглядеть странно, поэтому я наложила на них заклинание, чтобы они имитировали твоё настроение. Губы будут улыбаться или хмуриться, в зависимости от того, как ты себя чувствуешь.

Гермиона не знала, как реагировать, когда на глазах Котоне появились слезы, а ее лицо приняло какое-то свирепое и хмурое выражение. И только тогда, когда маленькая девочка всхлипнула и хрипло прошептала: «Ваши!» она поняла, что Котоне действительно понравилось то, что она сделала с маской. Котоне обняла Гермиону за шею и вновь заплакала.

— Мне очень жаль, Ваши, — сказала Котоне сквозь слезы. — Я знаю, что ты расстроена, плачешь, но ты очень счастливая, — немного успокоившись, она ослабила хватку Гермионы, посмотрела ей в глаза и сказала: — Ты должна помочь Шиши. Именно поэтому я и сказала тебе открыть глаза, чтобы ты сумела ему помочь. Я так боюсь за Шиши.

— Я знаю, что ты напугана, но хочешь, я открою тебе секрет? Я тоже боюсь, — сказала Гермиона с неуверенной улыбкой, — Я думаю, что через некоторое время мне понадобится твоя помощь с этими книгами, если ты не против. А пока — почему бы тебе не примерить маску?

Котоне вытерла слезы рукавом, взяла у Гермионы маску и дрожащими руками надела ее на нижнюю часть лица. Несколько мгновений она выглядела растерянной и просто нервно смотрела в пол.

— Ну давай, скажи что-нибудь, — произнесла Гермиона с терпеливой улыбкой.

— Я... я не знаю, что сказать! — абсолютно честно ответила она.

Глаза Котоне удивленно расширились, а затем сузились; Гермиона поняла, насколько она счастлива услышать звук своего нового голоса. Крошечные красные губы, украшавшие маску,

изогнулись в сияющей улыбке, а на ее веках вновь заблестели слезы.

Даже Гермиона была удивлена, услышав звук голоса Котоне через маску. Он больше не был хриплым, резким и грубым, теперь он звучал приятной, сладкой мелодией, в которой был лишь небольшой намек на акцент. Голос не был ни высоким, ни писклявым; это был спокойный альт, который, казалось, идеально подходил этой маленькой девочке. Гермиона широко улыбнулась Котоне, явно довольная результатом.

— Ну что, я прощена? — спросила Гермиона, вставая с колен.

В ответ Котоне протянула к Гермионе руки так же, как она это делала с Гарри. С улыбкой Гермиона взяла ее на руки и позволила волосам и хвосту Котоне обернуться вокруг различных частей ее тела.

Котоне вздохнула, уткнувшись ей в плечо, а затем произнесла своим новым голосом:

— Спасибо, Гермиона, для меня это так много значит!

Улыбка Гермионы исчезла, когда ее мысли обратились к книге, из которой она узнала, что, возможно, является некромантом; но зато она может помочь Гарри, который лежит двумя этажами выше, связанный и заглушенный заклинанием онемения, ведь им овладела частичка души Волдеморта. Она глубоко вздохнула и задала ей тот самый вопрос, на который она, наверное, и не хотела бы получить ответ.

— Котоне, когда ты пыталась помочь Гарри, я чувствовала, что понимаю, что именно ты пытаешься сделать, но в то же время я знала, что у тебя не получится... Та магия, которую ты пыталась сотворить, просто не подходит тебе, и я каким-то образом понимала, что она подошла бы мне. Ты можешь рассказать мне, почему я так подумала? Что именно ты пыталась сделать?

Улыбающиеся губы на маске Котоне мгновенно печально изогнулись, когда она услышала ее вопрос. С легким вздохом она села на один из пыльных стульев и жестом пригласила Гермиону сесть рядом с ней. После долгой паузы Котоне взглянула на Гермиону.

— Какую часть книги ты поняла?

— Что ж, я провела несколько дней, изучая ее, и... И я провела это испытание, которое предположительно показывает, к какому типу магии у меня есть склонность.

— И это испытание показало тебе?.. — произнесла Котоне.

— Ну... — Протянула Гермиона. — Я... Сначала мне показалось, что я могу быть Чародейкой или, по крайней мере, Иллюзионисткой, но после того, как ты сказала... Вчера вечером... Я открыла глаза и поняла, что это на самом деле было за изображение. Это означает, что... Я...

Котоне понимающе улыбнулась и сказала:

— Я была уверена, когда впервые увидела тебя. Упражнение показало, что тебе суждено стать Жрицей, как и моей матери.

Гермиона опустила глаза на свои руки, которые к тому времени уже спокойно лежали у нее на коленях, и тихо сказала:

— Нет, это не так. Если верить этому испытанию, я не Жрица.

Самодовольная улыбка на маске Котоне мгновенно исчезла:

— Ну конечно, ты Жрица... Я вижу это в тебе, ты живешь в гармонии со своей душой, ты можешь касаться чужих душ так, как я никогда и не мечтала. Разве ты не чувствуешь, что происходит с моим братом львом?

На мгновение Гермиона не поняла, какое отношение имеет к их дискуссии лев, но затем улыбнулась, вспомнив, как Котоне называла Гарри. Вот практика и показала, что переводящее заклинание, наложенное на маску, сработало идеально. Котоне упоминала, что «Шиши» означает «Лев», но до этого момента Гермиона никогда не сопоставляла это в своей голове. Она видела, что душа Гарри имеет вид льва. И еще она видела змей, которые его осаждали. Мысль о Гарри вернула ее к тому, о чем спросила Котоне.

— Да, я видела его душу и поняла, что ты пыталась сделать. Твои интонации были неправильными, а движения палочки были чересчур медленными. Не знаю, откуда я это знала, но я знала. Я прочитала главу о Жрицах, но не смогла выполнить даже простейшие упражнения. Именно тогда я решила провести испытание, но я никак не могла понять результат. Когда ты сказала мне открыть глаза, я впервые увидела картинку целиком, и в этом уже нет никаких сомнений... — глаза Гермионы наполнились слезами, и она нерешительно сказала: — Я... Ну... Похоже, я больше всего подхожу на роль Некроманта.

Брови Котоне обеспокоенно нахмурились, пока она слушала признание Гермионы. Прошло несколько секунд, прежде чем губы на маске Котоне превратились в широкую улыбку, и она воскликнула:

— Некромант? Ты уверена?

Гермиона была взволнована столь явной радостью Котоне по поводу того, что она «настроена» на такой темный тип магии. Она уже собралась прямо и недвусмысленно заявить Котоне, что не собирается погружаться в такое зловещее начинание, когда маленькая ведьмочка вскочила на ноги и взволнованно произнесла:

— Замечательно! Где книга?

«Замечательно? — недоверчиво подумала Гермиона. — Что может быть замечательного в изучении магии смерти?»

— Я оставила ее в спальне, — осторожно ответила она.

Котоне, не замечая страданий Гермионы, схватила ее за руку и потащила куда-то из столовой:

— Это займет совсем немного времени! Мой брат Лев ждет нас!

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818747>